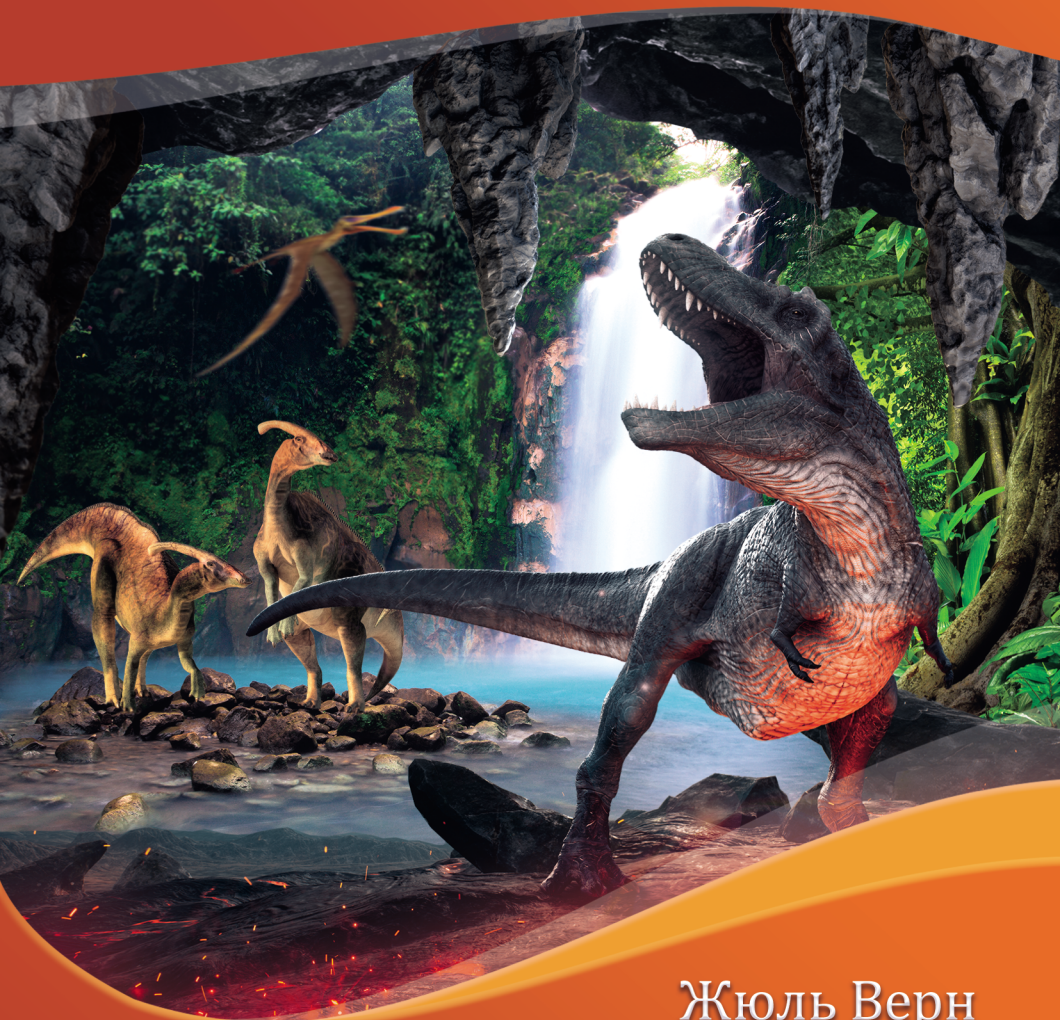

BILINGUA — ТЕКСТ НА ДВУХ ЯЗЫКАХ

Жюль Верн
Путешествие к центру Земли

Jules Verne
A Journey to the Centre of the Earth

Lingua

УДК 811.111(075)
ББК 81.2Англ-9
В35

Дизайн обложки *А. Закопайко*

В35 Верн, Жюль. Путешествие к центру Земли = A Journey to the Centre of the Earth + аудиоприложение ЛЕСТА / Ж. Верн; адапт. текста, пер., упр. и словарь С.А. Матвеева. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 256 с. — (Bilingua). ISBN 978-5-17-113908-7

Перед вами один из самых популярных романов Жюль Верна «Путешествие к центру Земли», повествующий о приключениях эксцентричного немецкого профессора и его племянника в недрах земного шара. Текст произведения адаптирован и снабжен параллельным переводом на русский язык. Для проверки понимания прочитанного в книге даны упражнения с ответами и англо-русский словарь.

Английский текст полностью озвучен носителями языка и бесплатно доступен для прослушивания на сайте российской цифровой образовательной платформы ЛЕСТА (lecta.rosuchebnik.ru).

Пособие адресовано всем, кто изучает английский язык и хочет читать литературу на языке оригинала.

**УДК 811.111(075)
ББК 81.2Англ-9**

Содержание

A Journey to the Centre of the Earth

Путешествие к центру Земли 4

Ответы к упражнениям 200

Англо-русский словарь 202

1.

On the 24th of May, 1863, my uncle, Professor Otto Liedenbrock, rushed into his little house in Hamburg. He was professor at the Johannaum, and was delivering a series of lectures on mineralogy. His teaching was to benefit himself, not others. He was a learned egotist. Germany has many professors of this sort. The name of Liedenbrock was honourably mentioned in colleges and learned societies. Moreover, my uncle was the curator of the museum of mineralogy formed by the Russian ambassador; a most valuable collection, the fame of which is European.

He was a tall man, of an iron constitution, and with a fair complexion. His restless eyes were in incessant motion behind his spectacles. His long, thin nose was like a knife blade.

He lived in his own little house in Königstrasse, a structure half brick and half wood. My uncle was tolerably rich for a German professor. The house was his own, and everything in it: his god-daughter Gräuben, a young girl of seventeen, Martha, and myself. As his nephew and an orphan, I became his laboratory assistant. The blood of a mineralogist was in my veins, and in the midst of my specimens I was always happy.

2.

One day I came to his study. It was like a museum. Specimens of every kind lay there in their places in perfect

1.

24 мая 1863 года мой дядя, профессор Отто Лиденброк, ворвался в свой небольшой дом в Гамбурге. Он был профессором в Йоганнеуме и читал лекции по минералогии. Читал он для себя, а не для других. Он был учёным-эгоистом. В Германии много профессоров такого сорта. Имя Лиденброк уважительно упоминалось в колледжах и научных обществах. Более того: мой дядя был куратором музея минералогии, основанного российским послом; это ценнейшая коллекция, пользовавшаяся европейской известностью.

Он был высоким мужчиной с железной конституцией и светлой кожей. Его беспокойные глаза за очками пребывали в непрерывном движении. Его длинный тонкий нос походил на лезвие ножа.

Он жил на Королевской улице в своём небольшом доме, построенном наполовину из кирпича, наполовину из дерева. Для немецкого профессора мой дядя был сравнительно богат. Дом, со всем, что в нём было и что в нём жило, находился в его полной собственности, включая его крестницу Гретхен, девушку лет семнадцати, Марту и меня. В качестве племянника и сироты я стал его лаборантом. В моих венах текла кровь минеролога, и среди своих экспонатов я всегда был счастлив.

2.

Как-то раз я зашёл в его кабинет. Он походил на музей. Всевозможные образцы лежали на своих местах в совершен-

order, and correctly named, divided into inflammable, metallic, and lithoid minerals.

My uncle was sitting in a velvet armchair, and was looking at a book with intense admiration.

“Here’s a remarkable book! What a wonderful book!” he was exclaiming. “Don’t you see? I have got a priceless treasure, that I found this morning, in the bookshop.”

“Magnificent!” I replied, with a good imitation of enthusiasm.

Why worry about this old, bound in rough calf, yellow, faded volume?

“See,” the Professor went on. “Isn’t it a beauty? Yes; splendid! Did you ever see such a binding? Doesn’t the book open easily? Yes; it stops open anywhere. But does it shut equally well? Yes; for the binding and the leaves are flush. And look at its back, after seven hundred years!”

I asked a question about its contents, although I did not feel the slightest interest.

“And what is the title of this marvellous work?” I asked.

“This work,” replied my uncle, “this work is the *Heims Kringla* of Snorre Turleson, the most famous Icelandic author of the twelfth century! It is the chronicle of the Norwegian princes who ruled in Iceland.”

“Indeed;” I cried, “and of course it is a German translation?”

ном порядке и были аккуратно подписаны, подразделяясь на горючие, металлические и камневидные.

Мой дядя сидел в бархатном кресле и с явным восхищением рассматривал какую-то книгу.

— Какая потрясающая книга! Какая замечательная книга! — восклицал он. — Ты видишь? Я обладаю бесценным сокровищем, которое обнаружил сегодня утром в книжном магазине.

— Великолепно! — ответил я, умело выказывая притворный энтузиазм.

Что мне до этого старого, облачённого в грубую кожу, жёлтого, блёклого тома?

— Смотри, — продолжал профессор. — Ну разве не красиво? Да; просто роскошно! Ты когда-нибудь видел такой переплёт? Разве эта книга не открывается столь легко? Да; она держится на любом открытом месте. Но так ли она хорошо закрывается? Да; поскольку переплёт и листы подходят друг к другу. А взгляни на её корешок, — и это спустя семьсот лет!

Я задал вопрос о содержании книги, хотя и не испытывал ни малейшего интереса.

— И как же называется эта изумительная работа? — спросил я.

— Эта работа, — ответил мой дядя, — эта работа — «Хеймс Кригла» Снорре Турлесона, самого известного исландского автора двенадцатого столетия! Это хроника норвежских принцев, правивших в Исландии.

— Вот как, — воскликнул я, — это, разумеется, немецкий перевод?

“What!” sharply replied the Professor, “A translation! What can I do with a translation? This is the Icelandic original!”

“Ah!” said I; “and is the type good?”

“Type! What do you mean by the type, wretched Axel? Type! Do you take it for a printed book, you ignorant fool? It is a manuscript, a Runic manuscript.”

“Runic?”

“Yes. Do I need to explain what that is?”

“Of course not,” I replied in the tone of an injured man. But my uncle continued.

“Runic characters were in use in Iceland in former ages. They were invented, it is said, by Odin¹ himself. Look there, and wonder, impious young man, and admire these letters, the invention of the Scandinavian god!”

Well, well! I was going to prostrate myself before this wonderful book, when a little incident happened to divert conversation into another channel. A dirty slip of parchment slipped out of the volume and fell upon the floor.

“What’s this?” cried my uncle.

And he laid out upon the table that piece of parchment, five inches by three, with certain mysterious characters.

The Professor raised his spectacles and pronounced:

---

¹ **Odin** — Один, верховный бог в германо-скандинавской мифологии

— Что? — резко ответил профессор. — Перевод! Что мне делать с переводом? Это исландский оригинал!

— Ах! — сказал я, — а хорош ли шрифт?

— Шрифт! О каком шрифте ты говоришь, несчастный Аксель? Шрифт! Ты принимаешь её за печатную книгу, невежественный глупец? Это рукопись, руническая рукопись.

— Руническая?

— Да. Мне нужно объяснять, что это такое?

— Конечно, нет, — ответил я обиженным тоном. Но мой дядя продолжал.

— Руническими значками пользовались в Исландии в старые времена. Они были изобретены, как говорят, самим Одинем. Посмотри сюда и поразись, юный нечестивец, и восхитись этими письменами, изобретением скандинавского бога!

Ну, ну! Я уже готов был пасть ниц перед этой замечательной книгой, но тут одно обстоятельство увело нашу беседу в другое русло. Из фолианта выскользнул грязный клочок пергамента и упал на пол.

— Что это? — воскликнул мой дядя.

И он положил на стол этот клочок пергамента размером пять на три дюйма, усеянный какими-то таинственными значками.

Профессор приподнял очки и объявил:

“These are Runic letters; they are exactly like those of the manuscript of Snorre Turlleson. But what is their meaning? It is certainly old Icelandic.”

Suddenly two o'clock struck by the little clock over the fireplace. At that moment our good housekeeper Martha opened the study door, and said:

“Dinner is ready!”

I followed her, and sat in my usual place. I waited a few minutes. Professor did not come. He had never missed the important ceremonial of dinner.

“I have never known such a thing,” said Martha. “M. Liedebrook is not at table! Something serious is going to happen.”

After the dinner, I came back to the study.

3.

“Undoubtedly it is Runic,” said the Professor; “but there is a secret in it, and I want to discover the key.”

He finished the sentence with a violent gesture.

“Sit there,” he added. “Sit there, and write.”

I sat down.

“Now I will dictate to you every letter of our alphabet which corresponds with each of these Icelandic characters. We will see what that will give us.”

— Это рунические письмена; они в точности походят на знаки из рукописи Снорре Турлесона. Но что они значат? Это, конечно, древнеисландский язык.

Внезапно небольшие часы на камине пробили два часа. В этот миг дверь в кабинет открыла наша славная домохозяйка Марта и сказала:

— Обед готов!

Я последовал за нею и уселся на своё обычное место. Я подождал несколько минут. Профессор не приходил. Он никогда не пропускал важную церемонию обеда.

— Невиданное дело, — сказала Марта. — Г-на Лиденброка нет за столом! Случится что-то серьёзное.

После обеда я вернулся в кабинет.

3.

— Несомненно, это рунические письмена, — сказал профессор, — но здесь заключена некая тайна, и я хочу найти ключ.

Он закончил предложение властным жестом.

— Садись там, — добавил он, — садись там и пиши.

Я сел.

— Сейчас я продиктую тебе все буквы нашего алфавита, соотносящиеся с этими исландскими значками. Посмотрим, что это нам даст.

The dictation commenced. I did my best. Every letter came one after the other, with the following remarkable result:

*mm.rnlls esrevel seeIde
sgtssmf vnteief niedrke
kt,samn atrateS saodrrn
emtnaeI nvaect rrilSa
Atsaar .nvrcr ieaabs
ccrmi eevtVl frAntv
dt,iac oseibo KediiI*

When this work has ended my uncle tore the paper from me and examined it attentively for a long time.

“What does it all mean?” he asked mechanically.

I could not help him.

“This is what is called a cryptogram, or a cipher,” he said, “in which letters are purposely thrown in confusion. Under this jargon there may lie the clue to some great discovery!”

As for me, I thought that there was nothing at all in it; though, of course, I did not say so.

Then the Professor took the book and the parchment, and diligently compared them together.

“These two writings are not by the same hand,” he said; “the cipher is of later date than the book. There are two hundred years between the manuscript and the document.”

I agreed.

Он начал диктовать. Я старался, как мог. Буквы сыпались одна за другой, и получился такой примечательный результат:

*mm.rnlls esrevel seecIde
sgtssmf vnteief niedrke
kt,samn atrateS saodrrn
emtnaeI nvaect rrilSa
Atsaar .nvcrc ieaabs
ccrmi eevtVl frAntv
dt,iac oseibo Kediil*

Когда работа была закончена, дядя вырвал у меня листок и принялся долго его изучать.

— Что всё это означает? — машинально спросил он.

Я не мог ему ничем помочь.

— Это то, что называют криптограммой, или шифром, — сказал он, — где буквы преднамеренно разбросаны в беспорядке. За этой тарабарщиной может скрываться ключ к великому открытию!

Что же касается меня, то я подумал, что там вообще ничего нет; хотя, конечно, я так не сказал.

Тогда профессор взял книгу и пергамент и тщательно сравнил их.

— Эти два текста написаны не одной и той же рукой, — сказал он, — шифр создан позднее книги. Между рукописью и этим документом двести лет.

Я согласился.

"I can imagine," continued my uncle, "that some possessor of this book wrote these mysterious letters. But who was that possessor? Is there his name in the manuscript?"

My uncle raised his spectacles, and carefully examined the blank pages of the book. On the front of the second title-page he could distinguish some letters.

"Arne Saknussem!" he cried in triumph. "That is the name of another Icclander, a savant of the sixteenth century, a celebrated alchemist!"

I gazed at my uncle with admiration.

"Those alchemists," he resumed, "Avicenna, Bacon, Lully, Paracelsus, were the real and only savants of their time. They made discoveries at which we are astonished. Has not this Saknussem concealed under his cryptogram some surprising invention? It is so; it must be so!"

"No doubt," I replied, "but why did he hide so marvelous discovery?"

"Why? Why? How can I tell? Did not Galileo do the same with Saturn? We shall see. I will reveal the secret of this document, and I will neither sleep nor eat!"

My comment on this was "Oh!"

"First of all we must find out the key to this cipher; that cannot be difficult."

At that I quickly raised my head.

"There's nothing easier. In this document there are a hundred and thirty-two letters: seventy-seven consonants and

— Могу представить, — продолжал дядя, — что таинственные буквы написал некий обладатель этой книги. Но кем он был? Указано ли в рукописи его имя?

Дядя приподнял очки и тщательно исследовал чистые страницы книги. На передней стороне второго, титульного, листа он смог различить некие буквы.

— Арне Сакнуссем! — победно воскликнул он. — Это имя другого исландца, учёного шестнадцатого века, знаменитого алхимика!

Я с восхищением посмотрел на дядю.

— Эти алхимики, — продолжил он, — Авиценна, Бэкон, Луллий, Парацельс, были единственными настоящими учёными своего времени. Они делали открытия, которым мы поражаемся. Разве этот Сакнуссем не скрыл под криптограммой некое удивительное открытие? Это так, это должно быть так!

— Без сомнения, — ответил я, — но почему он скрыл своё изумительное открытие?

— Почему? Почему? Откуда мне знать? Разве Галилей не сделал того же самого с Сатурном? Посмотрим. Я раскрою тайну этого документа, я не буду ни спать, ни есть!

Я мог на это только сказать «О!»

— Прежде всего, мы должны найти ключ к этому шифру; это будет нетрудно.

При этих словах я быстро поднял голову.

— Нет ничего легче. В этом документе сто тридцать две буквы: семьдесят семь согласных и пятьдесят пять гласных.

fifty-five vowels. So this is a southern language. But what language is it?"

I was looking at the letters.

"This Saknussem," the Professor went on, "was a very well-informed man; so he was not writing in his own mother tongue, he selected Latin. The savants of the sixteenth century generally wrote in Latin. So it is Latin."

I jumped up in my chair. These barbarous words belong to the sweet language of Virgil!

"Yes, it is Latin," my uncle went on; "but it is Latin confused and in disorder. Let us examine carefully. Here is a series of one hundred and thirty-two letters in apparent disorder. This arrangement has arisen mathematically in obedience to the unknown law. Whoever possesses the key of this cipher will read it with fluency. What is that key? Axel, have you got it?"

I did not answer, and for a very good reason. My eyes had fallen upon a charming picture: the portrait of Gräuben. We had become engaged unknown to my uncle. Gräuben was a lovely blue-eyed blonde. I adored her. Every day she helped me to arrange my uncle's precious specimens; she and I labelled them together. Mademoiselle Gräuben was an accomplished mineralogist. How often I envied the stones which she handled with her charming fingers.

"No, no, no," cried my uncle, "there's no sense in it!"

Then he rushed outside onto the Königstrasse and fled.

Следовательно, это какой-то южный язык. Но какой именно?

Я посмотрел на буквы.

— Этот Сакнуссем, — продолжал профессор, — был очень эрудированным человеком; поэтому писал не на своём родном языке, а выбрал латынь. Учёные шестнадцатого века обычно писали на латыни. Итак, это латынь.

Я подпрыгнул на стуле. Эти варварские слова принадлежат сладостному языку Вергилия!

— Да, это латынь, — продолжал дядя, — но это перепутанная, беспорядочная латынь. Давай посмотрим внимательнее. Здесь ряд из ста тридцати двух букв, они находятся в явном беспорядке. Их последовательность возникла математически и подчиняется неизвестному закону. Обладающий ключом к шифру быстро прочтает этот текст. Что же это за ключ? Аксель, ты понимаешь?

Я не ответил, и тому были серьёзные причины. Мой взгляд упал на очаровательную картину: портрет Гретхен. Мы обручились втайне от дяди. Гретхен была прекрасной голубоглазой блондинкой. Я обожал её. Каждый день она помогала мне приводить в порядок драгоценные экспонаты моего дяди; мы вместе их подписывали. Мадемуазель Гретхен была опытным минерологом. Как часто я завидовал камням, к которым она прикасалась своими очаровательными пальцами.

— Нет, нет, нет, — воскликнул дядя, — в этом нет никакого смысла!

Затем он выскочил на Королевскую улицу и исчез.

4.

“He is gone!” cried Martha, running out of her kitchen.

“Yes,” I replied, “completely gone.”

“Well; and how about his dinner?” said the servant.

“He won’t have any.”

“And his supper?”

“He won’t have any.”

“What?” cried Martha, with clasped hands.

“No, my dear Martha, he will eat no more. Uncle Liedebrock is going to decipher an undecipherable scrawl.”

“Oh, my dear!”

She returned to the kitchen.

I was alone. That old document kept working in my brain. My head throbbed with excitement, and I felt an undefined uneasiness. I took the sheet of paper with mysterious letters; and repeated to myself “What does it all mean?”

I tried to group the letters so as to form words. Quite impossible! I was stifling; I wanted air. Unconsciously I fanned myself with the bit of paper, the back and front of which successively came before my eyes. What was my surprise when, in one of those rapid revolutions, at the moment when the back was turned to me I thought I noticed the Latin words “craterem”, “terrestre”, and others.

4.

- Он ушёл! — крикнула Марта, выбегая из кухни.
- Да, — ответил я, — ушёл совсем.
- Хорошо, а как же обед? — спросила старая служанка.
- Он не будет обедать.
- А ужин?
- Он не будет ужинать.
- Что? — воскликнула Марта, всплеснув руками.

— Нет, моя дорогая Марта, он больше не будет есть. Дядя Лиденброк собирается расшифровывать неразборчивые каракули.

— О, Господи!

Старая служанка вернулась на кухню.

Я остался один. Тот древний документ не выходил у меня из головы. Моя голова пульсировала от возбуждения, я чувствовал смутное беспокойство. Я взял листок бумаги с таинственными письменами и снова сказал сам себе: «Что всё это значит?»

Я попытался сгруппировать буквы, чтобы получились слова. Совершенно невозможно! Я задыхался, мне требовался воздух. Я машинально обмахивался кусочком бумаги, лицевая и обратная сторона которого по очереди мелькали у меня перед глазами. Каково же было моё удивление, когда во время одного из этих быстрых движений обратная сторона листка была обращена ко мне, и мне показалось,

A sudden light burst in upon me; I had discovered the key to the cipher! To read the document, it was not even necessary to read it through the paper. My eyes were dim, I could scarcely see. I laid the paper upon the table. At a glance I could tell the whole secret.

“Now I’ll read it,” I cried.

I leaned over the table; and I read the whole sentence aloud.

“Ah!” I cried. “But no! No! My uncle will never know it. He will try to know all about it. Ropes will not hold him, such a determined geologist as he is! He will start, in spite of everything and everybody, and he will take me with him, and we will never get back. No, never! never!”

My over-excitement was beyond all description.

“No! No!” I declared energetically; “and as it is in my power to prevent the knowledge of it, I will do it. I will destroy this paper.”

There was a little fire on the hearth. I was about to fling the paper upon the coals, when the study door opened, and my uncle appeared.

5.

I replaced the unfortunate document upon the table. Professor Liedenbrock was greatly abstracted. The mystical

что я вроде бы различил латинские слова *craterem*, *terrestre* и другие.

Я вмиг озарился светом: я обнаружил ключ к шифру! Чтобы понять документ, не нужно было читать насквозь. Мои глаза едва что-либо различали, видеть я мог с трудом. Я положил бумагу на стол. Я сразу мог раскрыть весь секрет.

— Теперь я прочту всё это, — воскликнул я.

Я склонился над столом и громко прочитал всё предложение.

— Ах! — вскричал я. — Но нет! Нет! Мой дядя никогда не узнает этого. Он попытается всё об этом разузнать. Его, столь решительного геолога, не удержат никакие верёвки! Он отправится в путь несмотря ни на что, ни на кого; и он возьмёт с собой меня, и мы никогда не вернёмся. Нет, никогда! никогда!

Я не мог описать охватившее меня волнение.

— Нет! Нет! — с чувством изрёк я. — И поскольку в моих силах не дать ему узнать об этом, я так и сделаю. Я уничтожу эту бумагу.

В камине мерцал огонь. Я уже собирался бросить бумагу в угли, когда дверь кабинета распахнулась и появился мой дядя.

5.

Я вернул злополучный документ на стол. У профессора Лиденброка был весьма отрешённый вид. Мистические

letters gave him no rest. He sat in his armchair, took the pen and began to write algebraic formulas. For three long hours my uncle worked on without a word, without lifting his head. But time was passing away; night came on; the street noises ceased; my uncle noticed nothing. Martha opened the door and said:

“Will not monsieur take any supper tonight?”

But there was no answer. As for me, after long resistance, I began to sleep.

When I awoke next morning the Professor was still working. To tell the plain truth, I pitied him. “No, no,” I repeated, “I shall not speak. He will go at once; nothing on Earth can stop him. His imagination is a volcano, and he will risk his life. I will preserve silence. I will keep the secret which mere chance has revealed to me. To discover it is to kill Professor Liedenbrock! Let him find it out himself if he can.”

I folded my arms and waited. Two o'clock struck. This was becoming ridiculous; worse than that, unbearable. The Professor jumped up, clapped on his hat, and prepared to go out.

“Uncle!” I cried.

He did not hear me.

“Uncle Liedenbrock!” I cried, lifting up my voice.

“Ay,” he answered.

“Uncle, that key!”

“What key? The door key?”

письмена не давали ему покоя. Он уселся в своё кресло, взял ручку и принялся писать алгебраические формулы. В течение трёх долгих часов дядя продолжал молча работать, не поднимая головы. Но время шло, близилась ночь, уличные шумы стихли; дядя ничего не замечал. Марта открыла дверь и сказала:

— Разве господин не поужинает сегодня вечером?

Никакого ответа не последовало. Что касается меня, то после долгой борьбы я заснул.

Когда я проснулся на следующее утро, профессор всё ещё работал. Сказать честно, мне стало его жаль. «Нет, нет, — повторил я, — не скажу. Он сразу отправится в путь, ничто на Земле не сможет его остановить. Его воображение — это вулкан, и он подвергнет свою жизнь риску. Я буду молчать. Я буду хранить тайну, которая открылась мне волею простого случая; раскрыть её означает убить профессора Лиденброка! Пусть он сам найдёт ключ, если сможет».

Я сложил руки и ждал. Пробило два часа. Это становилось уже смешным и — хуже того — невыносимым. Профессор вскочил, схватил шляпу и собрался уходить.

— Дядя! — крикнул я.

Он не слышал меня.

— Дядя Лиденброк! — крикнул я, повышая голос.

— Да, — ответил он.

— Дядя, тот ключ!

— Какой ключ? Дверной ключ?

“No, no!” I cried. “The key of the document.”

The Professor stared at me over his spectacles. I nodded my head up and down.

“Yes, that key, chance—”

“What is that you are saying?” he shouted with indescribable emotion.

“There, read that!” I said, presenting a sheet of paper on which I wrote the sentences.

“But there is nothing in this,” he answered.

“No, nothing until you proceed to read from the end to the beginning.”

A new revelation burst in upon the Professor. He was transformed!

“Aha, clever Saknussem!” he cried. And he read the whole document from the last letter to the first:

*In Sneffels Joculis craterem quem delibat
Umbra Scartaris Julii intra calendas descende,
Audax viator, et terrestre centrum attinges.
Quod feci, Arne Saknussem.*

Which may be translated thus:

“Descend, bold traveller, into the crater of the Jokul of Sneffels, which the shadow of Scartaris touches before the kalends¹ of July, and you will attain the centre of the Earth; which I have done, Arne Saknussem.”

---

¹ **kalends** — календы; в древнеримском календаре название первого дня каждого месяца.

— Нет, нет! — крикнул я. — Ключ к документу.

Профессор уставился на меня поверх очков. Я закивал головой.

— Да, этот ключ... случайно...

— Что ты такое говоришь? — воскликнул он в неописуемом волнении.

— Вот, прочитайте это! — сказал я, показывая листок бумаги, на котором написал предложения.

— Но тут же нет смысла, — ответил он.

— Нет, пока вы не станете читать с конца к началу.

На профессора снизошло новое откровение. Он весь преобразился!

— Ага, умный Сакнуссем! — воскликнул он. И прочитал весь документ от последней буквы до первой:

*In Sneffels Joculis craterem quem delibat
Umbra Scartaris Julii intra calendas descende,
Audax viator, et terrestre centrum attinges.
Quod feci, Arne Saknussem.*

Что можно перевести так:

Спустись, отважный путешественник, в кратер Ёкуль-Снеффельс, который тень Скартариса касается перед июльскими календами, — и ты достигнешь центра Земли; что я и совершил, Арне Сакнуссем.